

16. Matis V.I. Rol' dukhovnogo naslediya v formirovaniy evraziyskoy polikul'tury [The role of spiritual heritage in the formation of Eurasian polyculture]. *Kul'tura v evraziyskom prostranstve: traditsii i novatsii [Culture in the Eurasian space: traditions and innovations]*, 2018, no. 1 (2), pp. 11-15. (In Russ.).
17. Mokshin N.F. Finno-ugry v russkoy i mirovoy kul'ture [Finno-Ugric peoples in Russian and world culture]. *Sotsial'no-politicheskie nauki [Socio-political sciences]*, 2012, no. 3, pp. 11-15. (In Russ.).
18. Radzetskaya O.V. Muzykal'nye proektsii kul'turnogo dialoga Vostoka i Zapada v kontekste Volgo-Ural'skoy tsivilizatsii [Musical projections of the cultural dialogue between East and West in the context of the Volga-Ural civilization]. *Finno-ugorskiy mir [Finno-Ugric world]*, 2013, no. 1 (14), pp. 71-75. (In Russ.).
19. Radzetskaya O.V. Evraziyskie konteksty khronotopa vokal'no-khorovoy muzyki Mordovii [Eurasian contexts of the chronotope of vocal and choral music of Mordovia]. *Integratsiya obrazovaniya [Integration of Education]*, 2014, no. 2, pp. 99-104. (In Russ.).
20. Radzetskaya O.V. Evraziyskiy rakurs v nauchnykh issledovaniyakh narodnykh instrumentov Volgo-Ural'skogo regiona [Eurasian perspective in scientific research of folk instruments of the Volga-Ural region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2014, no. 1, pp. 332-334. (In Russ.).
21. Rachyunayte-Vichiniene D. Bol'shetertsovyy trikhord v litovskoy narodnoy vokal'noy traditsii i formy ego proyavleniya v muzyke finno-ugrov i slavyan [Bolshoi trichord in the Lithuanian folk vocal tradition and forms of its manifestation in the music of the Finno-Ugric and Slavs]. *Finno-ugorskie traditsii v kontekste mezhetnicheskikh otnosheniy: sb. nauch. tr. [Finno-Ugric traditions in the context of interethnic relations. Collection. scientific works]*. Saransk, Mordovian University Publ., 2008, pp. 135-157. (In Russ.).

УДК 398.89

DOI 10.31773/2078-1768-2024-69-186-191

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВЫСОТНОЙ И МЕЛОДИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНДЫЛЬЩИН

Яковлева Александра Сергеевна, аспирант, Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки (г. Новосибирск, РФ). E-mail: aleksandrayakovleva2020@mail.ru

Настоящая статья посвящена напевам фольклорного жанра андыльщина. Жанр был сформирован в среде русских старожилов Колымского края и затем заимствован соседней русско-старожильческой группой – русскоустынской. По своим характеристикам андыльщины относятся к сфере песенной лирики, однако не имеют близкого сходства с другими известными жанрами. Являясь уникальным объектом русского песенного фольклора, андыльщина представляет большой интерес для исследования. В связи с этим несомненна актуальность данной статьи. Настоящая работа нацелена на изучение напевов андыльщин с точки зрения устройства звукорядов и мелодики. Для этого был проведен анализ двенадцати образцов, записанных во второй половине XX века. Одна половина анализируемых напевов принадлежит колымской группе, другая половина – русскоустынской. В ходе исследования применялись структурно-типологический метод, сравнительный метод, а также методы анализа, разработанные С. П. Галицкой. В результате выявились следующие основные особенности напевов жанра андыльщины: широкий диапазон, большое количество ступеней в звукоряде, наличие большого числа терцовых расстояний в звукорядах и мелодии напевов. Обнаружено, что мелодический рельеф напева является общим для всех образцов. Этот рельеф состоит из трех циклов движения и воплощается в полном или сокращенном виде. Определено, что общий мелодический рельеф в андыльщинах имеет разные виды интонационной реализации. Так, эта реализация может быть одинаковой (в политекстовых напевах), иметь некоторые общие мелодические фрагменты, а также быть индивидуальной. Выдвинуты две гипотезы: о равнозначности секундовых и терцовых расстояний в напевах андыльщин; о влиянии на трансформацию андыльщины в русскоустынской традиции других жанров: эпических и/или городских.

Ключевые слова: андыльщина, русские старожилы, Колыма, Русское Устье, звукоряд, мелодика.

FEATURES OF PITCH
AND MELODIC ORGANIZATION OF ANDYLSHCHINA

Yakovleva Aleksandra Sergeevna, Postgraduate, Novosibirsk State Glinka Conservatoire (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aleksandrakovleva2020@mail.ru

The article demonstrates the results of a study of the tunes of a unique song genre *Andylshchina*. This genre exists in the tradition of two groups of Russian old-settlers of Yakutia: *Kolyma* residents and *Russkoe Ustye* residents. The study was carried out on the material of twelve samples of *Andylshchina* recorded in *Kolyma* region and in the village of *Russkoe Ustye*. Particular attention is paid to the intervallic structure of scales and melody in *Andylshchina*. Its peculiarity lies in the fact that often instead of the distance of a second between adjacent tones, a distance of third is formed. This leads to the idea that in the perception of the performer, the move not only for a second but also for a third is perceived as step-by-step, and not spasmodic. Another remarkable feature of *Andylshchina* is their melodic relief, which is the same for all songs of this genre. This melodic relief consists of three cycles of movement: wave, zigzag and downward movement, followed by repetition of the fundamental tone. According to the degree of intonation similarity, all twelve samples are divided into three groups: 1) songs with the same tunes but different lyrics; 2) songs with some common melodic fragments; 3) songs with individual intonation realization. A comparison of the songs also showed that a transformation of the *Andylshchina* genre took place in *Russkoe Ustye*. This transformation is due to the fact that in the *Russkoe Ustye* the specific properties of the *Andylshchina* are less pronounced than in *Kolyma*. The reason for this may be the influence of such phenomena as epic song folklore or urban song culture on the *Andylshchina* in *Russkoe Ustye*. The results obtained expand knowledge about the *Andylshchina* and make a significant contribution to the further study of this phenomenon.

Keywords: *Andylshchina*, Russian old-settlers, *Kolyma*, *Russkoye Ustye*, scale, melodic.

Андыльщина – это уникальный песенный жанр, зародившийся на севере Якутии среди русских старожилов, населявших Колымский край. Со временем этот жанр был перенят жителями Русского Устья – соседней субэтнической группой. За пределами этих двух очагов проживания русских старожилов андыльщины зафиксированы не были.

О происхождении андыльщины почти ничего не известно, однако свидетельства собирателей указывают на то, что этот жанр явился результатом пересечения русской и местных традиций [2, с. 174; 4, с. 52]. Словесные тексты андыльщин исполняются на русском языке с сохранением в них особого русско-колымского и русскоустыинского диалектов. Содержание текстов очень близко русской песенной лирике, но отражает также и локальную специфику, связанную с особенностями жизненного уклада русских старожилов данного региона.

В напевах андыльщин обнаруживается некоторое сходство с лирической песней, однако мелодика их очень своеобразна и не находит аналогий в русской музыкальной традиции. Таким образом, жанр андыльщины – это особое явление песенно-

го фольклора, представляющее значительный интерес для исследования.

Цель настоящей работы заключается в определении характерных особенностей музыкальной организации данного жанра. Для достижения этой цели были выполнены следующие задачи: анализ звуковысотного и мелодического строения напевов андыльщин; выявление структурных типов звукоряда и мелодики андыльщин; сравнение напевов двух локальных очагов русской старожильской традиции Северо-Востока Сибири (колымского и русскоустыинского).

Решение поставленных задач было осуществлено на материале двенадцати напевов. Образцы были записаны во второй половине XX века И. А. Бродским-Богдановым [1, CD 2, № 72], Т. С. Шенталинской [7, с. 107–113], А. А. Томским [5, с. 29, 32]. Одна половина анализируемых образцов представляет собой колымские записи, другая – русскоустыинские. Из них десять образцов опубликованы в нотной расшифровке, два образца изданы в аудиоформате. Часть образцов записана от одного и того же исполнителя: два образца – от С. Е. Борисова, три – от Ф. А. Санталовой (оба колымчане), два – от В. М. Чикачева

(русскоустыинец). От других исполнителей выделены единичные записи.

В данном исследовании были применены структурно-типологический и сравнительный методы. Кроме того, использован аналитический подход к изучению звуковысотной организации традиционной музыки, разработанный этномузыкологом С. П. Галицкой [3].

Анализ напевов андыльщин был произведен по ряду параметров: диапазону звукоряда, количеству тонов в звукоряде, положению главной опоры, наличию устойчивых мелодических моделей. Каждый параметр рассматривался отдельно, и для этого были построены аналитические таблицы, отражающие конкретные данные по всем анализируемым образцам.

Сводные результаты анализа параметров звуковысотной структуры напевов отражены в таблице 1.

Таблица 1

Звукорядная организация напевов¹

Параметры	Русское Устье	Колыма
Интервальный диапазон	7, 8, 9, 11	11, 12, 14, 15
Количество тонов	6, 7, 8	9, 10, 11, 13
Положение главной опоры	нижнее средне- нижнее	нижнее среднее

Обобщив результаты анализа трех параметров звуковысотной организации, можно сделать следующие выводы:

1. Диапазон звукоряда в напевах андыльщин широкий, с минимальным интервалом в септиму и максимальным в квинтдециму. Звукоряды колымских напевов по диапазону больше, чем русскоустыинские. Наиболее широкий диапазон характерен для исполнительства мужчин-колымчан.

2. Количество ступеней в звукорядах андыльщин от 6 до 13 единиц: от 6 до 8 в русскоустыинских записях, от 9 до 13 – в колымских. В трех образцах звукоряды поступенные: из них один русскоустыинский напев в миксолидийском ладу, один колымский и один русскоустыинский – в эолийском. В остальных звукорядах присутствует нарушение поступенности за счет терцовых и квартовых расстояний между тонами.

¹ Жирным шрифтом выделены преобладающие значения.

3. Главная опора в звукорядах андыльщин приходится преимущественно на нижнюю ступень. Исключением являются три образца: в двух из них (русскоустыинских от одного исполнителя) положение главной опоры средне-нижнее в связи с наличием субтона; в одном колымском образце положение главной опоры приходится на середину звукоряда.

Ранее отмечалось, что в большей части звукорядов андыльщин возникают расстояния между соседними звуками на терцию и кварту (см. табл. 2). Так, в звукорядах шести напевов присутствуют терцовые расстояния: в четырех колымских (два из которых исполнены С. Е. Борисовым, два – Ф. А. Санталовой) и в двух русскоустыинских (от разных исполнителей). В напевах Ф. А. Санталовой эти расстояния единичны и приходятся на нижние тоны звукоряда; у С. Е. Борисова – в звукоряде одного напева встречаются дважды и приходятся на срединные тоны, в звукоряде второго напева – трижды на нижние тоны; в русскоустыинских образцах в одном случае терцовые расстояния обнаруживаются трижды: два раза между нижними и один раз между верхними тонами; в другом случае – дважды в нижней и верхней частях звукоряда. В трех русскоустыинских напевах встречаются звукоряды с единичными квартовыми расстояниями: в одном образце кварта приходится на верхние тоны, в двух образцах в исполнении В. М. Чикачева – между главным тоном и субтоном.

Таблица 2

Звукоряды колымских образцов	
	d e fis g h c1 d1 fis1 g1 a1 h1 c2 d2
(E) Fis G H	d fis g a h cis1 d1 e1
	d f (g) a b c1 d1 e1 f1 g1
	d f (g) a b c1 d1 e1 f1 g1
	d e f g a (b) c1 d1 e1 f1 g1
	d f (a) h (c1) d1 fis1 g1 a1
Звукоряды русскоустыинских образцов	
	d e f g a d1 e1
	d f (g) a c1 d1
	d e (fis) g a h c1 d1 e1 fis1 g1
	d e f g a b c1 d1
(A)	d e f g a b
(A)	d e f g a b

Следует отметить, что, помимо стабильных тонов звукоряда, в большинстве образцов наблюдается также наличие статистически незначимых тонов, то есть тех, что встречаются в напеве единично и приходится на слабые доли напева (в таблице эти тоны заключены в скобки). Учитывая этот нюанс и принимая во внимание только стабильные тоны напевов, можем заметить увеличение в звукорядах количества терцовых расстояний. Такая тенденция к терцовости в большей степени характерна для звукорядов колымских образцов. Как правило, терции располагаются внизу и/или в середине звукоряда, верхние же тоны чередуются поступенно.

Таким образом, даже на уровне строения звукоряда, с одной стороны, проявляется своеобразие жанра как такового, с другой – заметны локальные отличия андыльщин.

Следующим этапом исследования стал анализ мелодики колымских и русскоустыинских образцов.

Представив направленность мелодии в образцах графически, обнаружим следующий мелодический рельеф напева, состоящий из трех циклов: начального, образующего короткую восходящую волну; срединного, организованного в виде длинного зигзага; завершающего, который складывается из краткого нисхождения с последующим одноуровневым движением.

Музыкальный пример андыльщины. Мелодия записана на нотном стане с красной линией, обозначающей рельеф. Текст песни: Да бы-ло вре-мя, на-ша Ду-ня бе-зат как дес - че - (о)- нка, ой, бед - на бо - си - ком.

Пример мелодического рельефа андыльщины

Описанный мелодический рельеф характерен для всех образцов андыльщин, однако в четырех из шести русскоустыинских записей срединный цикл представлен в сокращенном виде за счет отсутствия обязательного для колымской андыльщины фрагмента с распевом и широким восходящим скачком. В интервальном строении мелодий колымских образцов наблюдается тенденция к терцовому движению, в русскоустыинских – к поступенному и репетиционному. Общее количество широких ходов (от кварты) в колым-

ском корпусе андыльщин вдвое больше, чем в русскоустыинском. К тому же и по расстоянию этих ходов русскоустыинские напевы уступают колымским: в колымских образцах встречаются скачки на октаву и даже на нону, в русскоустыинских же образцах диапазон скачка не превышает септимы.

Среди напевов андыльщин есть политекстовые, которые присутствуют в индивидуальных репертуарах. Один политекстовый напев встречается в двух андыльщинах, записанных от русскоустыинца В. М. Чикачева, другой – в двух андыльщинах, записанных от колымчанки Ф. А. Санталовой. Для В. М. Чикачева характерно точное воспроизведение мелодии при ее координации с двумя разными словесными текстами. Иная ситуация с напевом Ф. А. Санталовой. В обеих андыльщинах напев имеет два варианта реализации, в некоторой степени отличающихся друг от друга по интервальному строению (главным образом, в первой половине строф). Эти варианты чередуются в разных строфах образцов. Кроме того, в исполнении Ф. А. Санталовой допускается также незначительное варьирование как первого, так и второго вариантов этого напева. Стоит напомнить, что от этой исполнительницы записан еще один, третий образец, показывающий, что в ее репертуаре есть и другой напев андыльщины, отличающийся от политекстового.

Помимо образцов с политекстовыми напевами, у разных исполнителей были обнаружены также напевы с общими мелодическими фрагментами, то есть интонационными оборотами, включающими от трех до восьми тонов, которые присутствуют в точном или вариантном воспроизведении в разных образцах.

К таковым относятся пять андыльщин: две из них записаны на Колыме и три в Русском Устье. Общие мелодические фрагменты в этих образцах могут приходиться на любую часть напева, то есть не имеют определенного композиционного положения. Координация общих мелодических фрагментов с ячейками ритмосинтаксической организации тоже вариантна: мелодические и ритмические построения могут совпадать или мелодические построения смещаются относительно ритмических структур. При варьировании общего мелодического фрагмента вариантным может быть любой тон интонационного оборота.

Среди анализируемых андыльщин также имеются образцы, в которых интонационная структура напева полностью уникальна, то есть общих мелодических фрагментов в сравнении с другими образцами не обнаружено. Однако и в этих андыльщинах наблюдаются контуры единого для всех образцов мелодического рельефа. Это означает, что в данных напевах сохраняется общая последовательность направленности мелодического движения, описанная ранее, но ее интервальная реализация в каждом случае индивидуальна. В эту категорию входят три образца, один из которых – русскоустынский, а два других записаны от колымского исполнителя С. Е. Борисова.

Результаты проведенного исследования приводят к выводу о своеобразии мелоса в напевах андыльщин, характер которого определяется различными компонентами. Одним из значимых компонентов является интервальная структура звукорядов, специфика которой указывает на проявление в напевах андыльщин расширенного представления о поступенности. Эта черта в большей степени характерна для колымской андыльщины. Можно предположить, что в колымской и отчасти в русскоустынской традиции исполнения андыльщин терцовые и секундовые расстояния воспринимаются как равнозначные. Другая значимая особенность напевов жанра – мелодический рельеф, единый для всех андыльщин: с политекстовыми напевами, с напевами, имеющими общие мелодические фрагменты, и с индивидуальными напевами. Объединяющий все напевы

жанра мелодический рельеф реализуется в двух версиях: полной (в колымских и в русскоустынских напевах) и сокращенной (только в русскоустынских напевах).

Между колымской и русскоустынской традициями жанра обнаружены как общие, так и индивидуальные черты. Сформировавшись на Колыме, в Русском Устье андыльщина приобрела трансформированный вид. Направление этой трансформации привело к сглаживанию мелодической специфики жанра: сокращение интервального диапазона и распевности, убывание количества терцовых расстояний в пользу поступенности и репетиционности. Причина этого видится в приспособлении андыльщины к характеристикам иных жанров, что, в свою очередь, может быть связано с приоритетными сферами сложившегося в Русском Устье раннего или позднего репертуара. Так, в отличие от колымской традиции, в которой лирическая сфера занимает главенствующее место, в русскоустынской традиции наиболее значимыми стали эпические жанры: былины, баллады, исторические песни [8, с. 244; 9, с. 37]. Таким образом, эпическая сфера могла оказать влияние на новый для русскоустынского песенного репертуара жанр. Еще одним фактором могло послужить то, что андыльщина, вероятно, получила распространение в Русском Устье гораздо позже своего зарождения на Колыме [6, с. 147–148]. В связи с этим на трансформацию андыльщины могли воздействовать актуальные для поздней традиции жанры, такие как частушка-страдание, городская песня, романс.

Литература

1. «Поющая душа России»: музыкальный фольклор народов Российской Федерации, фоноатлас на 2 CD / сост. И. А. Богданов, Н. В. Меньших. – М.: СиДи Мейк Студио, 2021.
2. Богораз-Тан В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. – СПб., 1901. – 346 с.
3. Галицкая С. П. О ладо-звукорядной структуре монодии // Вестник музыкальной науки. – 2020. – Т. 8, № 3. – Новосибирск. – С. 104–114.
4. Игнатьева Т. И. Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – С. 45–125.
5. Томский А. А., Дробышева Н. Н. Песни Русского Устья. – Якутск: Бичик, 2013. – 64 с.
6. Шенталинская Т. С. Андыльщина – местный песенный жанр русских колымчан // Русский фольклор в инкультурном окружении. – М.: Гос. респ. центр рус. ф-ра, 1995. – С. 140–151.
7. Шенталинская Т. С. Андыльщина (жанр-эндемик) // Экспедиционные открытия последних лет: Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970–90-х годов. – СПб., 1996. – С. 97–114.
8. Яковлева А. С. Музыкальный фольклор русских старожилов Колымского края // Музыкознание: история и современность глазами молодых ученых. – Новосибирск: Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки, 2021. – С. 242–248.

9. Яковлева А. С. Былинные напевы русских старожилов Северо-Востока Сибири // Вестник музыкальной науки. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 36–44.

References

1. Bogdanov I.A., Menshikh N.V. "Poyushchaya duha Rossii": muzykal'nyy fol'klor narodov Rossiyskoy Federatsii, fonoatlas na 2 CD ["The Singing Soul of Russia": musical folklore of the peoples of the Russian Federation, phonoatlas on 2 CDs]. Moscow, CD Make Studio Publ., 2021. (In Russ.).
2. Bogoraz-Tan V.G. Oblastnoy slovar' kolymского russkogo narechiya [Regional dictionary of the Kolyma Russian dialect]. St. Petersburg, 1901. 346 p. (In Russ.).
3. Galitskaya S.P. O lado-zvukoryadnoy strukture monodii [On the fret sound-pattern structure of monody]. *Vestnik muzykal'noy nauki [Bulletin of Musical Science]*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 104-114. (In Russ.).
4. Ignat'yeva T.I. Muzykal'nyy fol'klor yukagirov [Musical folklore of the Yukaghirs]. *Fol'klor yukagirov [Yukaghir folklore]*. Moscow; Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, pp. 45-125. (In Russ.).
5. Tomskiy A.A., Drobysheva N.N. *Pesni Russkogo Ust'ya [Songs of the Russkoe Ustye]*. Yakutsk, Bichik Publ., 2013. 64 p. (In Russ.).
6. Shentalinskaya T.S. Andyl'shchina – mestnyy pesennyy zhanr russkikh kolymchan [Andyl'shchina – a local song genre of Russian Kolyma residents]. *Russkiy fol'klor v inokul'turnom okruzhenii [Russian folklore in a foreign cultural environment]*. Moscow, State Republican Center of Russian Folklore Publ., 1995, pp. 140-151. (In Russ.).
7. Shentalinskaya T.S. Andyl'shchina (zhanr-endemik) [Andyl'shchina (endemic genre)]. *Ekspeditsionnye otkrytiya poslednikh let: Narodnaya muzyka, slovesnost', obryady v zapisyakh 1970–90-kh godov [Expeditionary discoveries of recent years: Folk music, literature, rituals in recordings of the 1970s–1990s]*. St. Petersburg, 1996, pp. 97-114. (In Russ.).
8. Yakovleva A.S. Muzykal'nyy fol'klor russkikh starozhilov Kolymского kraя [Musical folklore of Russian old-settlers of the Kolyma region]. *Muzykoznanie: istoriya i sovremennost' glazami molodykh uchenykh [Musicology: history and modernity through the eyes of young scientists]*. Novosibirsk, Novosibirsk State Conservatory named after M.I. Glinka, 2021, pp. 242-248. (In Russ.).
9. Yakovleva A.S. Bylinnye napevy russkikh starozhilov Severo-Vostoka Sibiri [Bylina melodies of Russian old-settlers of the North-East of Siberia]. *Vestnik muzykal'noy nauki [Bulletin of Musical Science]*, 2022, vol. 10, no. 2, pp. 36-44. (In Russ.).

УДК 372.878

DOI 10.31773/2078-1768-2024-69-191-199

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Милейко Юлия Николаевна, аспирант, Сибирский государственный институт искусств имени Дмитрия Хворостовского (г. Красноярск, РФ). E-mail: mileyko.yulia@mail.ru

В статье представлена история Детской музыкальной школы № 1 города Ачинска, расположенного на западе Красноярского края. Приводятся факты об общей политической и экономической ситуациях в городе, которые оказывали влияние на все сферы, в том числе и музыкальное образование. Обозначаются основные этапы развития музыкальной школы: от открытия до настоящего времени. Особое внимание уделяется персоналиям, стоявшим у истоков зарождения образовательного учреждения и повлиявшим на его успешное развитие. Кроме этого, повествуется о сложностях организации учебного процесса: материально-техническое оснащение, финансирование, кадровый ресурс.

В основу статьи положены документы, обнаруженные в фондах Ачинского городского архива: публикации по истории города, годовые отчеты, официальные документы и постановления.

Автор выражает благодарность директору ДМШ № 1 г. Ачинска Анастасии Николаевне Кирсановой и сотрудникам Ачинского городского архива за содействие в подготовке текста для публикации и предоставление ценных исторических материалов, позволивших составить целостную картину